

Айзенштадт Сергей Абрамович

БОРИС МАТВЕЕВИЧ ЛАЗАРЕВ И МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ

Статья посвящена Борису Матвеевичу Лазареву - выдающемуся русскому пианисту, педагогу, работавшему в Китае в 20-40-е годы XX столетия, сыгравшему большую роль в развитии культуры российской эмиграции и явившемуся одним из тех, кто заложил фундамент китайской национальной фортепианной школы. Дан обзор жизненного пути Б. М. Лазарева. Особое внимание при этом уделено его личным контактам с С. В. Рахманиновым. Выявлены основные расхождения между биографическими источниками. В ряде случаев автор излагает собственную позицию по спорным биографическим вопросам. Целый ряд данных впервые введен в обиход отечественного музыковедения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. II. С. 15-20. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа: исследования и материалы. М.: Изд-во Восточной литературы, 1961. 410 с.
6. Миллер Б. В. Из области обычного права карачаевцев // Этнографическое обозрение: издание Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. 1902. № 1. С. 2-29.
7. Невская В. П. Пережитки родовой общины и семейная община карачаевцев в XIX веке // Из истории Карачаево-Черкесии: труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Серия историческая. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1970. Вып. IV. С. 175-225.
8. Петров Г. С. Верховья Кубани – Карачай // Памятная книжка Кубанской области на 1880 г. Екатеринодар, 1880. С. 123-155.
9. Петрусевич Н. Г. Отчет об экономическом состоянии военно-народного округа за 1867 г. // Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 1. Д. 306. Л. 2-29.
10. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1968. С. 104-154.
11. Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терека // СМОМПК: сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 105-106.
12. Тульчинский И. П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. V. С. 59-212.

SOCIAL STATUS OF THE MARRIED WOMAN IN TRADITIONAL KARACHAY SOCIETY IN THE XIX CENTURY

Abaikhanova Patiya Ismailovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Karachay-Circassian State University named after U. D. Aliev
Patiya_m@mail.ru

The article is devoted to the social status of the married Karachay woman in the XIX century. The abilities and personal qualities of the married woman essential for keeping house in the large traditional family are revealed. Intra-familial hierarchy and the place of the senior woman in it are shown. The author comes to the conclusion that the married woman in Karachay had certain rights and was considered an independent and legally protected person. Meanwhile in most cases the head of the family (seldom the elder son) was incontestable authority in traditional Karachay society, on the will of whom the order of the big traditional home depended.

Key words and phrases: senior woman; Karachay society; household; head of family; patterns of family life; evolution.

УДК 78.071

Искусствоведение

Статья посвящена Борису Матвеевичу Лазареву – выдающемуся русскому пианисту, педагогу, работавшему в Китае в 20-40-е годы XX столетия, сыгравшему большую роль в развитии культуры российской эмиграции и явившемуся одним из тех, кто заложил фундамент китайской национальной фортепианной школы. Дан обзор жизненного пути Б. М. Лазарева. Особое внимание при этом уделено его личным контактам с С. В. Рахманиновым. Выявлены основные расхождения между биографическими источниками. В ряде случаев автор излагает собственную позицию по спорным биографическим вопросам. Целый ряд данных впервые введен в обиход отечественного музыковедения.

Ключевые слова и фразы: Борис Матвеевич Лазарев; С. В. Рахманинов; А. И. Зилоти; К. А. Зилоти; русская эмиграция; Китай; Харбин; Шанхай.

Айзенштадт Сергей Абрамович, к. искусствоведения, профессор
Дальневосточная государственная академия искусств
mail@dv-art.ru

БОРИС МАТВЕЕВИЧ ЛАЗАРЕВ И МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В КИТАЕ®

В последние десятилетия немало сделано для системного осмысления музыкального наследия дальневосточной ветви российской эмиграции. В то же время многие представители русского музыкального зарубежья, работавшие в Китае и Японии, оценены в нашей стране далеко не в той степени, как они того заслуживают, что обусловлено отсутствием необходимой информации. Это относится и к выдающемуся пианисту и педагогу «Русского Китая» Борису Матвеевичу Лазареву.

Ни в отечественной, ни в зарубежной литературе нам не удалось обнаружить работ, непосредственно посвященных этому музыканту. Вместе с тем творческую личность Б. М. Лазарева нельзя назвать полностью неизвестной российской науке. Некоторые биографические сведения содержатся в трудах, посвященных его наставнику и другу А. И. Зилоти [8]. Отдельные данные имеются в работах о музыкальной культуре Урала и Сибири [1; 3; 14]. Имя пианиста встречается в материалах, относящихся к С. В. Рахманинову, с которым Лазарев связывали долгие годы личного и творческого общения [7; 10]. Ряд сведений можно найти в исследованиях, рассматривающих деятельность русской музыкальной эмиграции в Китае [15; 16; 25].

В то же время биографические данные, приведенные в упомянутых исследованиях, фрагментарны. Источники нередко противоречат друг другу.

В настоящей работе автор стремился дать обзор жизненного и творческого пути Б. М. Лазарева. Особое место уделено его деятельности в Китае и взаимоотношениям с С. В. Рахманиновым. Дана оценка роли Б. М. Лазарева в развитии китайской пианистической культуры. Рассматривая основные расхождения между биографическими источниками, автор в некоторых случаях высказывает собственное мнение по соответствующим спорным вопросам. Ряд материалов впервые вводится в научный обиход.

Борис Матвеевич Лазарев родился в 1888 г. В известных нам источниках указывается, что он обучался в Петербургской консерватории, которую, согласно сведениям Л. Горбовец, окончил в 1916 г. [3, с. 69]. Цзо Чженьгуань сообщает, что Б. Лазарев обучался в консерватории по фортепиано у А. И. Зилоти и по композиции у Н. А. Соколова [16, с. 58]. Н. А. Соколов действительно работал в Петербургской (Петроградской) консерватории в соответствующую эпоху [12, с. 512]. Однако А. И. Зилоти среди профессоров этого учебного заведения не числился. Его педагогическая деятельность была связана с Московской консерваторией, где выдающийся музыкант преподавал с 1888 по 1891 год, т.е. в период, когда Б. Лазарев никак не мог быть консерваторским студентом. В Петербурге же, где А. И. Зилоти проживал с 1903 г. по 1919 г., он сосредоточился прежде всего на исполнительской и дирижерско-антрепренёрской работе [8, с. 135].

В то же время бесспорно, что крупнейший пианист и дирижер оказал огромное влияние на становление творческой личности Б. М. Лазарева. В качестве пианиста и клавесиниста молодой музыкант принимал участие в организованных А. И. Зилоти симфонических концертах [Там же, с. 369]. Связывали их и родственные отношения: дочь А. И. Зилоти Кириена Александровна стала женой Б. М. Лазарева. Скорее всего, в петербургском доме тестя произошло и знакомство Б. Лазарева с С. В. Рахманиновым – учеником, другом и родственником А. И. Зилоти (о позднейших взаимоотношениях Б. М. Лазарева и С. В. Рахманинова см. далее).

Таким образом, констатируя бесспорное влияние А. И. Зилоти на формирование Б. М. Лазарева, следует признать, что вопрос о его консерваторском педагоге по фортепиано остается открытым.

В 1916 году Б. М. Лазарев покинул столицу и направился в Екатеринбург, где занял должность директора и преподавателя по классу фортепиано в новооткрытом Музыкальном училище. На ответственный пост его рекомендовал Л. В. Николаев, возглавивший комиссию Императорского музыкального общества, под эгидой которого было основано новое учебное заведение [Там же, с. 69]. Рекомендация столь авторитетного музыканта свидетельствует, что недавний выпускник консерватории сумел заслужить хорошую репутацию в музыкальных кругах Петрограда.

В Екатеринбурге «питомец Петроградской Консерватории и, как передают, ученик Зилоти» (так Лазарев аттестован в корреспонденции «Русской музыкальной газеты» [4]) также произвел самое благоприятное впечатление. Энергично взявшись за дело, новый директор ввел в училище классы гармонии и хора; поставил вопрос о приглашении еще одного преподавателя фортепиано; «намечил к исполнению на преподавательских концертах несколько капитальных произведений классического характера» [5].

Положительные отклики заслужили и первые выступления Б. М. Лазарева в качестве пианиста. На торжественном концерте в честь открытия училища он совместно с преподавателем Ивановой сыграл «Вторую сюиту» С. Рахманинова для двух фортепиано и принял участие в исполнении Трио В-дур А. Рубинштейна. Вскоре Лазарев принял участие в сонатном вечере, посвященном Э. Григу: звучали Скрипичная и Виолончельная сонаты. По словам рецензента, новый директор продемонстрировал «мощный удар, красочную интерпретацию и музыкальный вкус» [6]. В других отзывах на екатеринбургские концерты Лазарева отмечается «редкая отчетливость, большой внутренний подъем и, наряду с изяществом отделки, необычайная порою сила, создающая огненный ураган звуков». В туше «чувствовалась мощная энергия и строгая чеканка». В игре находили «исполнительский темперамент, свободное владение всем арсеналом выразительных средств, удивительную законченность, соединенную с вдохновением» [Цит. по: 3, с. 69]. Как подчеркивает Л. О. Горбовец, Б. М. Лазарев в эту эпоху «культивировал динамически рельефную, интонационно богатую фразировку, любил органичные, глубокие, насыщенные обертонами звучности. Особое значение в таком контексте приобретала работа в сфере тембровой многозначности рояля. Звук пианиста не терял красоты и певучести в самых динамически напряженных моментах, его *forte* было всегда благородно, как и самое нежное *pianissimo*» [Там же].

Итак, карьера Лазарева в столице Урала развивалась вполне успешно. Но в судьбу пианиста вмешалась революция. Л. О. Горбовец утверждает, что первый директор Екатеринбургского музыкального училища в 1919 г. эмигрировал в США [Там же]. Это не вполне так. Конечным пунктом эмигрантских скитаний Лазарева действительно стали США, а начало их, скорее всего, действительно датируется этим годом – напомним, что именно в 1919 г. Красная Армия заняла город и в Екатеринбурге окончательно утвердилась Советская власть.

Однако направился он тогда совсем в другую сторону. И. Харкиевич сообщает, что в 1919 г. класс фортепиано Иркутского народного университета «пополнился свободными художниками Б. М. Лазаревым и О. П. Малоземовой» [14, с. 167]. Таким образом, первой остановкой на печальном пути изгнания, по всей видимости, был Иркутск. Помимо работы в университете Б. М. Лазарев принимал участие в спектаклях «Товарищества оперных артистов». Эта организация была составлена, главным образом, из музыкантов, как и Лазарев, бежавших в Иркутск из других районов страны. Оперные представления проходили в сопровождении фортепиано: Б. М. Лазарев зарекомендовал себя как «великолепный аккомпаниатор» [Там же, с. 172]. В 1920 г. в Иркутск вошла Красная Армия. В том же году музыкант перебрался в Читу, ставшую столицей Дальневосточной республики (ДВР). Здесь он стал педагогом Народной консерватории [1, с. 59].

После установления Советской власти Б. М. Лазарев, как и сотни тысяч соотечественников, оказавшихся в ту пору на Дальнем Востоке России, окончательно покинул охваченную революцией родину, чтобы обрести

относительно спокойное существование в китайском Харбине. Точную дату прибытия установить не удалось. Ш. Мелвин и Цзо Чжэньгуань называют 1928 г. [16, с. 58; 25, р. 107]. Это, безусловно, ошибочно, так как адрес Б. М. Лазарева фигурирует в книге «Весь Харбин» уже за 1926 г. [21, р. 440]. По нашему мнению, верны сведения в краткой биографической заметке, помещенной в американской газете и составленной, по всей вероятности, со слов самого музыканта. Там переезд Лазарева из Читы в Харбин датируется 1922 годом и связывается с падением Дальневосточной республики [22].

Русские эмигранты, вынужденные искать убежища в Китае, стремились сохранить национальное культурное наследие. Музыкальная жизнь российской колонии Харбина отличалась большой интенсивностью. Б. М. Лазарев устроился в основанную в 1921 г. Первую харбинскую музыкальную школу [16, с. 34]. Среди её педагогов было немало товарищей пианиста по сибирским скитаниям. В их числе виолончелист И. Шевцов, работавший с Лазаревым в Иркутске [14, с. 166], скрипач В. Трахтенберг, коллега по читинской Народной консерватории [1, с. 59]. В фортепианном классе другого русского учебного заведения Харбина, Высшей музыкальной школы им. Глазунова, преподавала близкая знакомая Лазарева по петербургскому дому А. Зилоти – Зоя Аркадьевна Прибыткова, двоюродная племянница С. В. Рахманинова [16, с. 45].

Вторым местом работы стала студия «Лотос», возглавляемая живописцем В. Анастасьевым: с последним Лазарев был знаком еще по Екатеринбургу, где тот занимал должность директора Художественного училища. Пианист вел в студии класс фортепиано, а его жена Кириена Александровна взяла на себя преподавание теории музыки и сольфеджио [Там же, с. 58].

Среди харбинских учеников Лазарева было немало тех, кто позднее занял видное место в культурной жизни страны. У него занимался Григорий Соломонович Зингер – один из самых популярных пианистов Китая, неоднократно выступавший с Шанхайским симфоническим оркестром, преподаватель Шанхайской консерватории, занимавший также должность пианиста и дирижера шанхайского отделения фабрики грамзаписи «Патэ» [Там же, с. 226]. У Лазарева училась Клавдия Голубятникова – известный концертмейстер, непременимый аккомпаниатор оперных спектаклей, происходивших в одном из важнейших культурных центров «Русского Китая» – знаменитом харбинском зале Железнодорожного собрания (Желсобе) [13, с. 97]. Его воспитанницей была и прославленная во всей Восточной Азии балерина Нина Всеволодовна Кожевникова-Панченко. По воспоминаниям современницы, именно занятия по фортепиано у Лазарева во многом способствовали тому, что искусство «увлекло Нину на всю жизнь» [11, с. 55]. Еще один известный харбинский ученик Лазарева – Алексей Васильевич Гаев. В 1932 г. он эмигрировал в США, стал известным композитором, был другом и последователем И. Стравинского [8, с. 171].

Данных об исполнительской деятельности Б. М. Лазарева в Китае нам найти не удалось. По всей видимости, в эту пору пианист существенно сократил (а то и вовсе прекратил) публичные выступления. По словам Ш. Мелвин, «Борис Лазарев был довольно известным на родине пианистом, пока был в состоянии преодолевать свой серьезный страх перед аудиторией. Когда он больше не мог выступать публично, посвятил себя преподаванию» [25, р. 107].

Авторитет Лазарева в музыкальных кругах города был достаточно высок. Мемуарист Г. Мелихов, характеризуя харбинских музыкантов, отзываясь о нем как о «крупном русском пианисте и педагоге» [9, с. 276]. Вместе с тем следует согласиться со Цзо Чжэньгуанем, что в ту пору лидерские позиции в фортепианной педагогике «Русского Китая» занимали В. Л. Гершгорина и В. И. Диллон [16, с. 37]. Б. М. Лазарева все же нельзя было назвать наиболее известным фортепианным преподавателем в стране: взлет его популярности был впереди.

Проработав в Харбине несколько лет, супруги Лазаревы оставили город. В отношении места их нового проживания источники расходятся. Цзо Чжэньгуань пишет, что в 1935 г. чета Лазаревых перебралась из Харбина в Шанхай [Там же]. «Прибывшим из Харбина» в Шанхай называет Лазарева и Хуан Пин [15, с. 27]. Однако, по мнению автора настоящей статьи, верны другие данные. Они свидетельствуют, что Лазаревы покинули Харбин в 1926 или 1927 году и обосновались в Нью-Йорке, где стали ассистентами А. И. Зилоти в Джульярдской школе музыки.

Основой для такой точки зрения служат следующие материалы. Во-первых, уже упомянутая заметка в американской газете, где указано, что в 1926 г. Б. А. Лазарев переселился в США, где стал помощником Зилоти в Джульярдской школе [22]. Во-вторых, биографическая книга об ученике Александра Ильича и Кириены Александровны Зилоти, американском пианисте Евгении Истомине. Там значится, что «в 1927 г. Кириена и Лазарев направились в Нью-Йорк, где Кириена открыла студию, помогала отцу и обучала собственных студентов» [23, р. 18]. Наконец, это некролог К. А. Зилоти, помещенный в «Нью-Йорк Таймс», где сказано, что Кириена Александровна переехала в Нью-Йорк в 1927 году [24].

Косвенным подтверждением справедливости свидетельств о пребывании Лазарева в Нью-Йорке во второй половине 20-х и начале 30-х годов служит история получения им рекомендательного письма от С. В. Рахманинова. Письмо это неоднократно публиковалось [7; 10, с. 364], однако в известных нам материалах практически не освещались жизненные обстоятельства супругов Лазаревых, вызвавшие его появление. Между тем без их учета многое остается неясным.

Остановимся на этой истории более подробно.

23 сентября 1933 г. С. В. Рахманинов писал своей родственнице С. А. Сатиной из своей швейцарской виллы Сенар:

«<...> Будь добра передать Б. М. Лазареву, что на его просьбу я вполне согласен, хотя и удивлен» [10, с. 363].

Суть просьбы выясняется из рахманиновского письма самому Лазареву от 8 ноября того же года. Письмо написано уже в Нью-Йорке – в ту пору месте постоянного жительства великого композитора.

«Дорогой мистер Лазарев! Я понимаю, что Вы намереваетесь основать в Шанхае музыкальную школу и назвать ее в мою честь. Так как я в течение многих лет знаю Вас как необычайно одаренного педагога по фортепиано и пианиста, не колеблясь, даю свое согласие, поскольку совершенно уверен в том, что из школы, директором которой являетесь Вы, выйдет немало замечательных музыкантов» [Там же, с. 364].

К этому посланию приложено рекомендательное письмо:

«Мне доставляет удовольствие заявить, что я считаю Бориса Лазарева исключительно одаренным и добросовестным преподавателем фортепиано. Мистер Лазарев, будучи сам образованным музыкантом, обладает редким талантом понимания индивидуальности своих учеников и умения научить их искусству игры на фортепиано. Я не сомневаюсь, что любое музыкальное учебное заведение найдет в лице мистера Лазарева весьма ценного сотрудника на должности профессора по фортепиано» [Там же].

Рахманиновская характеристика свидетельствует о высоком уважении, которое великий музыкант испытывал к своему более молодому товарищу по искусству. Слова о том, что он знает Лазарева «в течение многих лет», подтверждают их творческое общение в дореволюционном Петербурге-Петрограде. Однако трудно предположить, что мнение Рахманинова о педагогическом мастерстве адресата базировалось лишь на столь давних впечатлениях. Скорее всего, великий музыкант имел возможность наблюдать и оценивать работу Б. М. Лазарева в Нью-Йорке, в частности, тогда, когда тот выступал в качестве ассистента А. И. Зилоти.

Адрес, на который было отправлено письмо Б. М. Лазареву, не установлен. Оригинал не известен. Сохранилась лишь машинописная копия, оставшаяся в делах С. В. Рахманинова [Там же]. Если встать на точку зрения Цзо Чжэньгуаня, то Лазарев к моменту написания рекомендации проживал в Харбине. Письмо в этом случае должно было быть направлено в Китай. Но тогда неясно, что же вызвало «удивление» Рахманинова, о котором он пишет С. А. Сатиной. При всей личной скромности всемирно знаменитого композитора и пианиста, вряд ли для него стало бы неожиданностью, что его имя собираются использовать для продвижения музыкального учебного заведения, ориентированного на работу в среде русской эмиграции.

Однако если предположить, что адресат находился в США, удивление Рахманинова выглядит вполне обоснованным. Китай середины 30-х годов XX века был несоизмеримо менее безопасным и комфортным местом для проживания, чем США. Страна раздиралась гражданскими смутами. К тому же в 1931 г. началась война с Японией. В 1932 г. пал Харбин, провозглашенный столицей подконтрольного Стране восходящего солнца государства Маньчжоу-Го. Многие русские харбинцы, среди которых было немало музыкантов, бежали в относительно более спокойный Шанхай, также, впрочем, испытывавший реальную угрозу японского вторжения. Рахманинов был прекрасно осведомлен об этой ситуации – среди беглецов из Харбина была и его двоюродная племянница Зоя Прибыткова.

Можно лишь догадываться о мотивах, побудивших Лазарева при подобных обстоятельствах вернуться в Китай. Но со значительной долей вероятности можно утверждать, что причиной послужил разрыв между ним и его супругой. Во всяком случае, на новое место жительства Лазарев отправился один. Кириена Александровна осталась в Нью-Йорке.

В Шанхае план создания собственной школы имени Рахманинова не удался. Но Б. М. Лазарев оказался вполне востребованным. Ему удалось устроиться на работу в Первую музыкальную школу им. Глазунова, основанную русскими эмигрантами. Пианист был также зачислен в штат фортепианного отделения Шанхайской национальной консерватории, открытой в 1927 г. при поддержке Министерства просвещения Китая. В обоих учебных заведениях трудились российские музыканты, знакомые Лазареву по Сибири и Харбину. Кроме того, пианист был избран членом Совета по искусству творческого объединения ХЛИАМ (художники, литераторы, артисты, музыканты). Несмотря на юмористическое название, деятельность ХЛИАМа была вполне серьезной. Общество устраивало концерты, выставки, тематические вечера. Только на протяжении четырех лет с ноября 1933 г. по май 1936 г. хламисты провели 70 мероприятий, а ежегодное среднее число участников зимнего сезона содружества составило 1500 человек [2, с. 453].

В творческом отношении именно шанхайский период оказался для Лазарева наиболее плодотворным. Во многом это связано с расширением круга студентов. Если в Харбине в число его известных учеников входили лишь представители российской эмиграции, то здесь он имел широкие возможности заниматься также и с китайцами. По словам Хуан Пин, «педагогическая деятельность Лазарева оказала большое влияние на китайских пианистов. На занятиях он говорил мало, в основном действовал методом собственного показа. Лазарев обращал особое внимание на тренировку пальцев. Требовал, чтобы они были расположены равномерно, расслаблены, подняты, чтобы опускались не с силой, играть не слишком громко, а также подчеркивал роль педали» [15, с. 44].

Во внушительном списке известных шанхайских воспитанников Лазарева, составленном Цзо Чженьгуанем, преобладают китайские имена: Ада Львова, Элеонора Валесби, Дай Пушэн, Ли Хуйфэн, Хэ Цзини, Линь Вэньгуй, Чжан Я, Лин Анна, Ван Чуньюань, Лян Сюээр, Хэ Хуэйсянь, Ху Чжэнши, Лян Сюецзи, У Ячжэн, Сунь Дэжэнь, Пань Мэйбо, Ян Эрцзюань, Чень Чуаньси, Е Шулянь, Чень Чжэньши, Цю Сюемэй, Чжан Хуэйхуа, Ван Цзяэн, Цао Цзинбин, Лян Пэйвэнь, Дин Синьсянь, Лю Шикунь, Ван Лихуа, Ма Шицюань [16, с. 146]. Только в консерватории Шанхая с середины 30-х по начало 50-х годов XX столетия работало, по крайней мере, четверо его воспитанников: Ли Хуйфэн, Григорий Зингер, Элеонора Валесби и Ада Бронштейн; в приведенном списке Цзо Чжэньгуаня последняя фигурирует под фамилией Львова (по мужу). Наряду с деканом фортепианного отделения Шанхайской консерватории Борисом Степановичем Захаровым и итальянским пианистом и дирижером Марио Пачи Лазарев вошел в число ведущих, наиболее авторитетных фортепианных педагогов Китая.

В 1937 г. Шанхай был оккупирован японской армией. Лазарев покинул захваченный город и направился в Чунцин, где преподавал в организованном там филиале Национальной консерватории [Там же, с. 43]. В 1945 г. пианист возвратился в Шанхай и продолжил работу в консерватории.

Известность его росла. После кончины Б. С. Захарова (1943 г.) и М. Пачи (1946 г.) Лазарев стал безоговорочным лидером фортепианного образования в стране. С 1946 г. педагогическую деятельность в Шанхае он совмещал с преподаванием в высших музыкальных учебных заведениях Нанкина [Там же, с. 146] и Пекина [15, с. 44].

К этому периоду относятся занятия Лазарева с самым знаменитым его китайским учеником – Лю Шикунем. Этот пианист родился в 1939 г. Первые уроки музыки он получил у отца – выпускника вокального отделения Шанхайской консерватории – и уже в раннем детстве пользовался известностью как вундеркинд. По воспоминаниям современников, в 1946 г., после одного из концертов чудо-ребенка за кулисы с поздравлениями пришел «Борис Лазарев, известный пианист из белых русских и выразил готовность обучать мальчика» [26]. Уроки с Лю Шикунем продолжались более двух лет.

Плодотворно работали более ранние воспитанники русского маэстро. Значительную известность приобрела в стране Ада Бронштейн. В конце 40-х и начале 50-х годов она активно концертировала и стала одним из ведущих преподавателей Шанхайской консерватории. В 1950 г. в её педагогические руки попал пятнадцатилетний Фу Цун, будущая звезда китайского фортепианного искусства. А. Бронштейн не была первым фортепианным учителем прославленного пианиста. С семилетнего возраста он брал уроки у М. Пачи. Однако именно под руководством ученицы Б. М. Лазарева юноша стал показывать выдающиеся успехи [17, с. 46]. Занятия А. Бронштейн с Фу Цуном прекратились в 1952 году в связи с её эмиграцией в Канаду.

В 1948 году, в преддверии прихода к власти коммунистического правительства Б. М. Лазарев вернулся в США [16, с. 146]. Сведений о его деятельности после возвращения в США нам удалось собрать немного. Известно, что в 1950 г. пианист приступил к выполнению обязанностей преподавателя фортепиано в консерватории г. Трой (штат Нью-Йорк) [22]. В марте 1954 г. принимал участие в осуществленной в г. Окленде (штат Калифорния) постановке оперы А. Бородина «Князь Игорь» в качестве музыкального руководителя [19].

Очевидно, что в ту пору расцвет творческой деятельности Б. М. Лазарева был позади. Но семена, посеянные им в Китае, продолжали давать плоды.

В 1949 г., непосредственно после отъезда Лазарева из Шанхая, его воспитанник Лю Шикунь одержал победу на Первом национальном конкурсе юных пианистов. В 1958 г. молодой китайский виртуоз занял II место на Первом международном конкурсе им. П. И. Чайковского в Москве. Ада Бронштейн перебралась в г. Виннипег и заняла важное место в музыкальной культуре Канады. Активно работая в этой стране, ученица Б. М. Лазарева подчеркивала огромную роль, которую сыграл русский пианист в ее творческом становлении [18]. Ее воспитанник Фу Цун в 1955 г. стал первым в истории представителем Восточной Азии, завоевавшим звание лауреата международного конкурса пианистов им. Шопена в Варшаве.

Дата ухода из жизни Б. М. Лазарева в известных нам материалах отсутствует. В электронном каталоге открытой социальной сети *MyHeritage* удалось найти данные о гражданине США Борисе Лазареве соответствующего года рождения (1888), скончавшемся во Флориде в 1982 году [20]. Если эти сведения относятся к тому, кто стал героем настоящей статьи, то он, как и его супруга, Кириена Александровна, завершившая жизненный путь в возрасте 94 лет, прожил долгую жизнь.

Итак, мы рассмотрели основные вехи жизненного пути Б. М. Лазарева и проанализировали доступные автору настоящей статьи биографические источники. Этот анализ свидетельствует, что многие проблемы изучения творческого наследия выдающегося пианиста и педагога еще далеки от разрешения. В то же время работа такого рода настоятельно необходима.

Актуальность ее, в первую очередь, связана с осмыслением гигантских по значению культурных усилий русской эмиграции в Китае, которые позволили не только сохранить и приумножить собственные художественные традиции, но и оказать решающее воздействие на формирование новой музыкальной культуры страны пребывания. Как отмечено в начале статьи, за последние годы в этом направлении сделано немало. Однако огромные массивы информации остаются еще неисследованными. Это относится и ко многим сторонам творческой биографии Б. М. Лазарева. Но уже на основе материалов, представленных в настоящей работе, можно заключить: Борис Матвеевич Лазарев был одним из самых ярких музыкантов среди тех, кто закладывал фундамент современной китайской фортепианной школы. В том, что ныне пианисты КНР выходят на лидирующие позиции в мировом пианистическом искусстве, есть немалая его заслуга.

Кроме того, изучение жизненного пути Б. М. Лазарева важно и для осмысления духовного наследия С. В. Рахманинова и А. И. Зилоти. Дальнейший анализ взаимоотношений пианиста с его великим современником и старшим коллегой позволит уточнить и обогатить представление о жизни и творчестве гениального русского музыканта.

Список литературы

1. **Белоносова И. В.** Музыкальная культура Читы: дисс. ... к. искусствоведения. Новосибирск, 2005. 286 с.
2. **Ван Чжичэн.** История русской эмиграции в Шанхае. М.: Русский путь, 2008. 576 с.
3. **Горбовец Л. О.** Фортепианное исполнительское искусство Екатеринбурга: дисс. ... к. искусствоведения. Магнитогорск, 2004. 203 с.
4. **Де-Бутми.** Екатеринбург. Корреспонденция // Русская музыкальная газета 1916. 7-14 августа.
5. **Де-Бутми.** Екатеринбург. Корреспонденция // Русская музыкальная газета 1916. 13 ноября.
6. **Де-Бутми.** Екатеринбург. Корреспонденция // Русская музыкальная газета 1916. 18-25 декабря.
7. **Казьмина Е. О.** Благодеяние, милосердие, благотворительность – составляющие нравственного облика С. В. Рахманинова [Электронный ресурс] // II Рахманиновские чтения. С. В. Рахманинов и Тамбовский край в аспекте развития региональной культуры. URL: http://www.rachmaninov.ru/rachman/Russian/konf/konf_chteniy2.htm (дата обращения: 29.04. 2015).

8. Мальцева Е. Г. Александр Ильич Зилоти: пианист, педагог, организатор концертной жизни: дисс. ... к. искусствоведения. Ростов-на Дону, 2014. 434 с.
9. Мелихов Г. Ф. Белый Харбин: середина 20-х. М., Русский путь, 2003. 440 с.
10. Рахманинов С. В. Литературное наследие: в 3-х т. / сост.-ред. З. А. Апетян. М.: Советский композитор, 1980. Т. 2. 584 с.
11. Рыгова Н. Прима-балерина Нина Кожевникова // Дружьям от друзей. 1991. № 34. С. 55-59.
12. Соколов Николай Александрович // Музыкальный энциклопедический словарь / гл. ред. Г. В. Келдыш. М.: Советская энциклопедия, 1991.
13. Таскина Е. П. Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994. 192 с.
14. Харкиевич И. Ю. Музыкальная культура Иркутска. Иркутск: Изд. Иркут. университета, 1987. 280 с.
15. Хуан Пин. Влияние русского фортепианного искусства на формирование и развитие китайской пианистической школы. СПб.: Астерион, 2009. 159 с.
16. Цзо Чжэньгуань. Русские музыканты в Китае. СПб.: Композитор, 2014. 336 с.
17. Чжан Чуньцзянцзы. Фу Цонг: об истоках исполнительского мастерства пианиста // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. Нижний Новгород. 2011. № 1. С. 45-48.
18. Ada Bronstein // Winnipeg Free Press. 2011. 25 февраля.
19. Artists to Present «Prince Igor» // Oakland Tribune. 1954. 14 марта.
20. Boris Lazareff [Электронный ресурс]. URL: <http://www.myheritage.com/research/collection-10002/%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3-social-security-death-ssdi?s=270164881&lang=RU&itemId=81785647- &action=showRecord> (дата обращения: 29.04. 2015).
21. Chashchin K. Russians in China. Genealogical index (1926-1946). Russian Edition. N. Y.: South Eastern Publishers Inc., 934 p.
22. Conservatory Appoint New Faculty Member as Teacher of Piano // Troy NY Times Record. 1950. 7 января.
23. Gollin J. Pianist: A Biography of Eugene Istomin. N. Y.: Xlibris, 2010. 484 p.
24. Kyriena Siloti Is Dead; Piano Teacher Was 94 // The New York Times. 1989. 29 июля.
25. Melvin S., Cai J. Rhapsody in Red: How Western Classical Music Became Chinese. N. Y.: Algora, 2004. 362 p.
26. 个钢琴家的命运交响诗 [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_505af3e90100caru.html (дата обращения: 29.04. 2015).

BORIS MATVEEVICH LAZAREFF AND MUSICAL CULTURE OF THE RUSSIAN EMIGRATION IN CHINA

Aizenshtadt Sergei Abramovich, Ph. D. in Art Criticism, Professor
Far Eastern State Academy of Art
mail@dv-art.ru

The article is devoted to Boris Matveevich Lazareff – an outstanding Russian pianist, pedagogue, who worked in China in the 20-40s of the XX century and played an important role in the development of the culture of the Russian emigration and was one of those, who laid the foundation for Chinese national piano school. The review of the course of B. M. Lazareff's life is given. Special attention is focused on his personal contacts with S. V. Rakhmaninov. The main contradictions between bibliographic sources are revealed. In a number of cases the author states his own position on disputable biographic issues. Some data are put into practice of domestic musicology for the first time.

Key words and phrases: Boris Matveevich Lazareff; S. V. Rakhmaninov; A. I. Siloti; K. A. Siloti; the Russian emigration; China; Harbin; Shanghai.

УДК 323.21

Политология

В статье анализируются проблемы концепции социального государства в России в контексте политической модернизации. Перспективы формирования социального государства в России автор связывает с изменением социальной структуры в зависимости от степени участия в реформах агентов модернизации. Автор обосновывает положение о том, что три типа взаимодействия агентов – создание, распределение и потребление ценностей модернизации – определяют оптимальную модель социального государства путем синтеза трех его основных функций (социальная поддержка, социальное обеспечение и социальное обслуживание).

Ключевые слова и фразы: политическая модернизация; социальная структура; модель социального государства; малый и средний бизнес; гражданское общество.

Андреев Александр Викторович

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Polit_alan@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ОПТИМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ[©]

Как и постулат о необходимости существования России в виде конституционно-правового образования, тезис о социальной природе государства более двадцати лет порождает в научном сообществе дискуссии